

Пирогова Елена Сергеевна

**ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА РЕШЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

В статье рассматривается практика применения принципа правовой определенности Европейским судом по правам человека и Конституционным судом РФ. Анализ практики показывает, что данный принцип, как правило, формулируется не законодателем, а высшими судами, что в спорных ситуациях периодически приводит к самостоятельным толкованиям с их стороны, а так как практика применения этого принципа на международном уровне сложилась значительно раньше, чем в России, то в статье рассматривается, как решения Европейского суда по правам человека влияют на решения Конституционного суда РФ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/38.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 143-147. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

- Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М.: Издательство «Искусство», 1977. 199 с.
- Миронова Л. Н. Семантика цвета в эволюции психики человека // Проблема цвета в психологии. М.: Издательство «Наука», 1993. С. 172–188.
- Левин-Страсс К. Структурная антропология. М.: Издательство «Наука», 1985. 512 с.
- Хамори Й. Долгий путь к мозгу человека. М.: Издательство «Мир», 1985. 150 с.
- Кавина Т. «Парфюмерные» цивилизации // Очаг. 1994. № 8.
- Религиозные традиции мира: в 2-х т. М.: Издательство «КРОН-ПРЕСС», 1996. Т. 1. 576 с.
- Поликарпов В. С. Время и культура. Харьков: Издательское объединение «Вища школа», 1987. 159 с.
- Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Как жили древние греки. Л.: Издательство «Госпедиздат», 1959. 168 с.
- Брунер Дж. Психология познания. М.: Издательство «Прогресс», 1977. 413 с.

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF SENSUALITY FORMATION

Papchenko Elena Viktorovna

*Department of Philosophy
Southern Federal University
papchenko-73@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the formation of sensuality in the history of culture. In the article it is spoken about the symbolical value of color which has been changing during the whole history of mankind development becoming the part of public and individual experience, about the distinctions in acoustical perception depending on cultural environment, about the extensive cultural tradition of smell application.

Key words and phrases: sensuality; color; a smell; a sound; a symbol; cultural environment.

ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Пирогова Елена Сергеевна

*Кафедра предпринимательского права
Государственный университет – Высшая школа экономики, г. Москва
pirogorova-el@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается практика применения принципа правовой определенности Европейским судом по правам человека и Конституционным судом РФ. Анализ практики показывает, что данный принцип, как правило, формулируется не законодателем, а высшими судами, что в спорных ситуациях периодически приводит к самостоятельным толкованиям с их стороны, а так как практика применения этого принципа на международном уровне сложилась значительно раньше, чем в России, то в статье рассматривается, как решения Европейского суда по правам человека влияют на решения Конституционного суда РФ.

Ключевые слова и фразы: Европейский суд по правам человека; Конституционный суд РФ; принцип правовой определенности; верховенство права.

Среди многочисленных принципов, заложенных в основу регулирования экономического оборота, следует особо отметить принцип правовой определенности. Данный принцип, как показывает анализ судебной практики, как на международном, так и на национальном уровне формулируется преимущественно не законодателем, а высшими судебными органами. Исключение, пожалуй, составляет налоговое законодательство РФ, где принцип нашел свое отражение в законе.

В последнее время достаточно большое внимание уделяется статусу решений Европейского суда по правам человека, а также их значению для правовых систем государств – членов Совета Европы. В соответствии со статьей 53 Конвенции государства-участники обязаны исполнять решения суда, только если они являются сторонами по рассматриваемому делу. Однако это только формальный взгляд на статус решений Европейского суда. Фактически вынесенное решение представляет собой образец толкования норм, содержащихся в Европейской Конвенции. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Косси против Соединенного Королевства» сформулировал положение о том, что следовать прецеденту необходимо в интересах правовой определенности.

Еще совсем в недавнем прошлом ссылаться на нормы международного права было не принято. Сегодня же этих ссылок становится все больше и больше. Конституционный суд РФ впервые сослался на нормы ме-

* Материал подготовлен с использованием документов из справ.-правов. системы «Консультант Плюс».

ждународного права, содержащиеся в постановлениях Европейского суда по правам человека, в 1999 г. в Постановлении от 23 ноября № 16-П и тем самым подтвердил обязательность правовых позиций Европейского суда по правам человека на территории Российской Федерации. Следовательно, при применении норм Конвенции, Российская Федерация руководствуется всей практикой ЕСПЧ, в том числе даже той, которая была создана по делам, рассмотренным до присоединения России к Конвенции. Таким образом, постановления ЕСПЧ обязательны для российских судов, так как «являются толкованием международного договора – Конвенции, которая в силу ч. 2 ст. 15 Конституции РФ является составной частью правовой системы России и в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ обладает приоритетом над законами России».

О необходимости применения правовых позиций Европейского суда говорится в п. 10-15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении». Высший Арбитражный суд РФ в своем информационном письме от 20 декабря 1999 года № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» настаивал на том, что арбитражные суды должны соблюдать положения, сформулированные ЕСПЧ.

Достаточно частым основанием обращения в Европейский суд по правам человека стало нарушение принципа правовой определенности в результате пересмотра вступивших в силу решений российских судов, так как европейской Конвенцией предусматривается недопустимость пересмотра вступившего в силу судебного решения. Основной гарантией невозможности пересмотра вступивших в силу судебных актов, по мнению ЕСПЧ, является как раз принцип правовой определенности, под которым понимается окончательность вынесенных судом решений.

В постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Рябых против Российской Федерации» содержится принципиальный подход к любой процедуре, позволяющей отменить окончательное решение суда. Так, гражданскому судопроизводству не соответствует принцип правовой определенности по следующим аспектам:

- отсутствие жестких и неизменяемых процессуальных сроков на отмену судебных актов;
- наличие у суда надзорной инстанции права рассматривать дело по существу;
- привязка процедуры надзорного обжалования к полномочиям отдельных должностных лиц.

В настоящее время Европейским судом по правам человека вынесено более восьми Постановлений, в которых установлено нарушение пункта 1 ст. 6 Европейской конвенции по фактам отмены вступивших в законную силу решений в порядке надзора.

Европейский суд по правам человека в данных Постановлениях указал, что отмена окончательных судебных решений противоречит принципам «верховенства права» и «правовой определенности».

Приведенные позиции Европейского суда корреспондируются правовым позициям Конституционного суда РФ. Как указал суд, принцип правовой определенности (*res judicata*) означает, что ни одна сторона не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования. Одно лишь наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления от этого принципа оправданы только тогда, когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера (Постановление от 24 июля 2003 году по делу Рябых против Российской Федерации).

Такой подход находит свое отражение и в практике Европейского суда по правам человека, по мнению которого действие принципа правовой определенности предполагает стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, что в свою очередь обуславливает перенос основного бремени пересмотра решений судов на ординарные судебные инстанции – апелляционную и кассационную с соблюдением в качестве основополагающих принципов окончательности и стабильности решений, вступивших в законную силу. Отступление от указанных принципов возможно только по обстоятельствам существенного и неопровержимого характера в целях исправления судебных ошибок (Постановление от 28 октября 1999 г. по делу «Брумеску против Румынии»).

Однако Конституционный суд РФ в Постановлении от 11 мая 2005 года № 5-П указал, что требование, вытекающее из Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, о необходимости обеспечения правовой определенности не является абсолютным и препятствует возобновлению производства по делу при выявлении новых или вновь открывшихся обстоятельств или в связи с обнаружением существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильно разрешению дела, даже в случае, если производство по делу завершено вступившим в законную силу судебным решением. Тем более не исключается – при наличии соответствующих оснований – возможность возобновления уголовного дела, производство по которому было прекращено в стадии предварительного расследования, и по которому не принималось окончательное судебное решение о виновности или невиновности обвиняемого.

При этом Европейский суд в своей прецедентной практике исходит из того, что принцип правовой определенности, базирующийся на норме п. 1 ст. 6 Конвенции о праве на справедливое судебное разбирательство, предполагает недопустимость пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по существу, кроме как в исключительных случаях и только для исправления судебных ошибок. Изложенная позиция непосредственно затрагивает проблематику пересмотра судебных актов в порядке надзора в судах общей юрисдикции, где надзор носит многоступенчатый характер. Тем не менее, Европейский суд не налагает абсолютный запрет на пересмотр вступивших в законную силу актов, а самым настойчивым образом ориентирует на сведение таких случаев к минимуму. В своих решениях Европейский суд неоднократно подчеркивал, что процедуры, допускающие неограниченное или значительно протяженное по времени обжалование судебных актов, в том числе неопределенность сроков рассмотрения дел в надзорной инстанции, ведут к неопределенности и нестабильности решений и несовместимы с принципом правовой определенности, являющимся основополагающим элементом верховенства права, и правом на справедливое судебное разбирательство (Постановление от 25 апреля 2006 г. по делу «Засурцев против России»). По мнению ЕСПЧ принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования существующих правоотношений. Добиться этого необходимо для того, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных и необходимых пределах предвидеть последствия своего поведения и могли быть уверены в неизменности своего статуса, предоставленных им правах и свободах, а также стабильности политики государства.

Исходя из изложенных правовых позиций, легко **сделать вывод**, что принцип правовой определенности имеет своей целью гарантировать участникам стабильность возникших правоотношений, а также предоставить им возможность спрогнозировать результат и последствия своих действий. Одной из составляющих данного принципа является обеспечение защиты прав лиц при разрешении спора с помощью единообразия применения норм. В этой ситуации судебная система Российской Федерации должна взять на себя стабилизирующую функцию, при выполнении которой субъекты правоотношений будут уверены в справедливости, надежности, объективности и предсказуемости правосудия, так как одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед российскими судами, – обеспечение единства судебной практики.

Анализируя постановления Конституционного суда РФ, нельзя не отметить, что большинство ошибок законодателя при создании правовой нормы выявляется именно на стадии правоприменения. Это не удивительно, так как именно на стадии реализации право становится реально действующим, а, следовательно, норма не просто «живет», а демонстрирует свою жизнеспособность и применимость к конкретным жизненным обстоятельствам. Необходимо заметить, что, формулируя правовые принципы, законодатель в большинстве случаев пытается оградить себя не только от так называемых системных ошибок, но и от различных случайностей, возможных на различных стадиях правоприменения.

Принцип правовой определенности – один из основополагающих принципов права, направленный на создание максимально понятных и прозрачных условий для участников правоотношений, но, в то же время, требующий дополнительных усилий как со стороны законодателя при создании нормы, так и со стороны правоприменителя при ее реализации. Естественно, что как каждый принцип права, принцип правовой определенности оказывает серьезное воздействие на формирование правового поля современного российского государства. Это особенно ярко стало проявляться в последние годы, когда на основании принципа правовой определенности выносятся судебные решения, оказывающие не только воздействие на правоприменение в целом, но и создающие условия единообразия правоприменения в судебной системе в целом.

Исходя из правовых позиций Конституционного суда РФ, принцип правовой определенности вытекает из таких принципов правового государства как верховенство права, равенство всех перед законом и судом, справедливость. Еще раз хотелось бы напомнить, что принцип правовой определенности не имеет законодательного закрепления в Конституции РФ.

В определении от 18 января 2001 года № 6-О суд развил свою правовую позицию, указав, что общеправовой принцип определенности, ясности недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 конституции РФ), а такое равенство возможно обеспечить только при условии единообразного понимания и толкования норм всеми правоприменителями. Логическим продолжением данного подхода стала правовая позиция Конституционного суда, сформулированная в Постановлении от 6 апреля 2004 года, согласно которой требование определенности, ясности и недвусмысленности вытекает из конституционных принципов правового государства, равенства и справедливости.

Поэтому из статей 1, 18, 19 Конституции РФ прямо следует обращенное к **законодателю** требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования (Постановление Конституционного суда от 29.06 2004 №13-П). Подобное требование к законодателю не случайно, так как если на стадии создания правовой нормы данные критерии не будут учтены, то это будет прямая возможность порождения в дальнейшем неточности и неопределенности правовой нормы, конкуренции правовых норм, а также приведет к взаимному противоречию между ними, а это в свою очередь отрицательно скажется не только на формировании единого правового пространства России, но и на возможности защиты прав и законных интересов участников правоотношений. То есть противоречащие друг другу правовые нормы порождают в дальнейшем и противоречивую правоприменительную практику, а также возможность произвольного применения таких норм, ослабляют гарантии государст-

венной защиты конституционных прав и свобод. Никакой иной принцип кроме принципа правовой определенности не может обеспечить единообразия применения правовых норм. А если подобное единообразие достигнуто не будет, это будет создавать возможность для неограниченного усмотрения в правоприменительной практике, и, следовательно, неизбежно приведет к произволу правоприменителя и даст возможность к злоупотреблению правом с его стороны. Данная правовая позиция вытекает из достаточно большого количества постановлений Конституционного суда, в том числе Постановления от 25 апреля 1995 № 3-П. Следовательно, принимаемые законодателем законы должны быть им определены как по содержанию, так и по предмету, цели и объему действия, а создаваемые им правовые нормы – сформулированы с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ними свое поведение, как запрещенное, так и дозволенное (Постановление Конституционного суда от 14.04.2008 № 7-П).

В этой связи необходимо вспомнить, что Конституционный суд РФ в своих актах неоднократно отмечал, что принципы правовой справедливости и равенства, на которых основано осуществление прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации как правовом и социальном государстве, предполагают *правовую определенность и связанную с ней предсказуемость законодательной политики в целом, то есть предполагают согласованность законодательного регулирования*. При этом данная правовая определенность и предсказуемость законодательной политики в сфере пенсионного обеспечения необходима для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенные ими на основе действующего законодательства права будут уважаться властями и будут действительно реализованы, то есть субъекты должны понимать, что их официальный статус, приобретенные права и свободы неизменны и защищаются государством (Постановление конституционного суда от 03.06.2004 № 11-П). К тому же, в своих решениях Конституционный суд неоднократно подчеркивал, что любое изменение законодателем ранее установленных правил предоставления гражданам льгот и компенсаций должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип доверия граждан к закону и действиям государства, который в свою очередь предполагает правовую определенность сохранения разумной стабильности правового регулирования, недоступность внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики, с тем, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и чувствовали себя защищенными от правового произвола законодателя. В этой связи Российская Федерация как правовое социальное государство не может произвольно отказаться от выполнения взятых на себя публично-правовых обязательств, и отмена либо приостановление законодателем предоставления выплат или льгот компенсаторного характера допустимы только при установлении надлежащего механизма соответствующего возмещения, формы и способы которого могут меняться, но объем не должен уменьшаться, иначе это будет прямым нарушением принципа правовой определенности (Постановление от 16 декабря 1997 № 20-П).

Так как принцип правовой определенности вытекает из конституционного принципа правового государства, равенства и справедливости, то данный принцип говорит о том, что принятая законодателем норма должна быть *согласована с действующим законодательством, то есть должна находиться в согласованности с системой действующего правового регулирования*.

Необходимо отметить, что критерий определенности правовой нормы как конституционное требование законодателя вытекает из целого ряда Постановлений Конституционного суда, а, учитывая, что наибольшая тяжесть последствий ошибочного и произвольного применения норм наблюдается в уголовном законодательстве, общие принципы права предъявляют к этим нормам особенно жесткие требования определенности и конкретности содержания, предельной ясности и полноты описания признаков преступления, наличия четких критериев для определения запрещенного деяния, которые должны быть доступны пониманию, отчетливо сознаваться субъектами преступления и исключать любое иное, более расширенное, толкование правоприменительной практикой. В соответствии с позицией Конституционного суда общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы сама по себе уже допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к неправильной реализации, а, следовательно, и к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Во избежание подобных перекосов сама норма, как и решения правоприменителей по ее реализации, должна быть точной и конкретной. Тем более, что для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, используются такие же судебные механизмы, основанные на конституционных принципах равенства всех перед законом и судом, справедливости, состязательности, равноправия сторон, и обеспечивается реальное функционирование этих механизмов режимом правовой определенности (Постановление от 27 мая 2003 № 9-П). Названные правовые позиции Конституционного суда РФ коррелируются с выводами, сформулированными в решениях Европейского суда по правам человека, где указано, что содержание лица под стражей без конкретного правового основания, а лишь по причине отсутствия четких правил, регулирующих положение содержащегося под стражей лица, невозможно. В результате чье лицо не может быть лишено свободы на неопределенный срок без судебного решения, так как это несовместимо с принципами правовой определенности и защиты от произвола. Заключение под стражу на срок длительностью несколько месяцев

при отсутствии обосновывающего его постановления суда, в том числе на том единственном основании, что дело передано в суд, не может считаться законным и само по себе противоречит принципу правовой определенности, являющемуся одним из основных элементов верховенства права (Постановление от 28 марта 2000 по делу «Барановский против Польши»).

Таким образом, принцип правовой определенности можно охарактеризовать как четкость, ясность и недвусмысленность изложения правовой нормы. Такой позиции придерживается не только Европейский суд по правам человека, который относительно правовой нормы вводит критерий разумности и предсказуемости, но и Конституционный суд РФ в своих многочисленных решениях: «Законодательство должно быть достаточно точным, чтобы позволить частному лицу – если это необходимо, после соответствующих рекомендаций – предвидеть в разумных пределах последствия, к которым может привести конкретное деяние (Постановление от 08.11.2005 по делу «Худороев против Российской Федерации»). Необходимо отдельно отметить, что суды уделяют особое внимание субъекту, которому адресована норма, – частному лицу. Именно для него законодательство должно быть предельно понятным, и, следовательно, позволяющим спрогнозировать последствия своих действий. Однако достаточно часто неопределенность может носить субъективный характер, то есть для одной из сторон норма может представляться сформулированной однозначно, тогда как другая сторона может сомневаться в ее содержании и последствиях ее применения. При этом, как Европейский суд, так и Конституционный суд РФ признают, что норма порой не может быть абсолютно точной, так как наличие в законе оценочных понятий само по себе еще не свидетельствует о ее неопределенности. «Хотя определенность норм весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, многие законы неизбежно пользуются терминами, которые в большей или меньшей степени расплывчаты: их толкование и применение – задача практики» (Постановление от 26.04.1979 по делу «Санди Таймс» против Соединенного Королевства»). А так как норма применяется к неограниченному количеству различных ситуаций, то пределы детализации нормы в любом случае должны определяться законодателем в целях установления возможности эффективного применения.

THE INFLUENCE OF THE DECISIONS OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS ON THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION. PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

Pirogova Elena Sergeevna

*Department of Entrepreneurial Law
State University - Higher School of Economics, Moscow
pirogova-el@yandex.ru*

Abstract. In the article the practice of the application of the legal certainty principle by European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation is considered. The analysis of the practice shows that the given principle, as a rule, is formulated not by a legislator but by supreme courts. In disputable situations it periodically leads to an independent interpretation from their side. As the practice of the application of this principle at the international level had developed much earlier than in Russia in the article the way the decisions of European Court of Human Rights influence on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation is considered.

Key words and phrases: European Court of Human Rights; the Constitutional Court of the Russian Federation; legal certainty principle; leadership of law.

NATIONAL IDENTITY AND DESIGN

Rents Nataliya V.

*History of Art and Architecture Program
University of Pittsburgh, USA
nvr1@pitt.edu*

Abstract. The article deals with the problem of national identity in relation to national arts. The study addresses the issues of shaping national consciousness and spirit in European countries through the development of decorative and applied arts, the relationship between design as the functional principle signifying larger socio-political and cultural trends and as the means of self-expression and modernity.

Key words: national identity; nationalism; cultural continuity; design; modernity.

The end of the nineteenth – the beginning of the twentieth century was marked by a rise of nationalist movements across Europe. Many political and cultural figures, designers, craftspeople, and manufacturers among them, sought to establish anew or re-establish their country's identity. The European debates about national identity were